

Вячеслав Куприянов

О Геннадии Фролове

Судьба поэта Геннадия Фролова (1947–2021) по-своему вписывается в наше переломанное и переломное время. Вот из ранних его стихов, 60-е годы:

Сегодня лето кончится / И гуси полетят. / Живи не так, как хочется, /
А так, как все хотят.»

Невеселая ирония, но за всем эти добродушная и скромная личность. По многим взглядам на русскую стихотворную традицию он был близок таким поэтам как Николай Рубцов, Анатолий Передреев, в первую очередь Юрий Кузнецов, его ближайший друг. Тем не менее, Геннадия Фролову не пришло бы в голову написать что-то вроде – «Звать меня Кузнецов, я один, / Остальные – обман и подделка!» Хотя Фроловых на Руси не меньше, чем Кузнецовых. Известно, что когда ему, активному переводчику с национальных языков, в одной из братских тогда республик предложили «без труда» защитить диссертацию, ответил вполне поэтически – представьте себе, как бы это могло звучать – «кандидат наук Сергей Есенин!» А на одном из литературных вечеров, где Андрей Вознесенский слишком переборщил с бахвальством, по-мальчишески выкрикнул из рядов слушателей – «А на ежа сеть сможете?»

Десяток книг за прожитую жизнь это не так много. Поначалу спокойные названия – «Сад», 1982; «Месяцеслов», 1992; потом более резкие – «Вавилонская башня», 1992, «Невольные мысли», 1997; и уже знакомое – «Не свое время», выдержавшее однако два издания – 2011 и 2012, ибо многие ощущали это время как не вполне свое. Однако тон здесь задавала именно любовная лирика, которая всегда пытается высветить именно свое, личное время. После более чем десятилетнего перерыва, посмертное полное издание – «Стихотворения и поэмы», Москва. Буки Веди. 2023. Здесь мы без всякого сомнения находим серьезного эпического и прежде всего лирического поэта, наследника традиции Тютчева, Алексея Толстого, Ивана Бунина. Недаром он был некогда отмечен премиями Афанасия Фета и Константина Бальмонта. Ощутимы и религиозные, православные мотивы, он был в последние годы членом «Императорского православного палестинского общества», а его влиятельным другом был Николай Николаевич Лисовой (1926 – 2019), богослов, историк церкви и замечательный поэт. Фролов говорил в одном из интервью: «...Поэзия – она неистребима. Вы знаете «Символ веры»? Верую во единого Бога Творца Вседержителя Неба и Земли, видимого и невидимого... В греческом переводе – Поэта Неба и Земли. То есть поэт – это тот, кто сознает, создатель. Это – сотворчество с Богом. Поразительное дело! Вон сколько берез, сколько листьев на березах – а двух одинаковых не сыщешь. Да и невозможно их все увидеть. Так и в поэзии;

всегда будут поэты, и неважно, будут их слушать или нет. Всё преходяще... Ну, не будет нас. Будут другие. Стихи состоят из слов. Что они говорят, то и говорят. Если поэт попытается испортить это, – это не будет испорченная поэзия. Это будет НЕ поэзия, и все. Об этом хорошо сказал один средневековый поэт: «Создатель всеблаг. Он не мог создать зло. А раз он не мог создать зло, то зла и нет». Что же мы называем злом? Нетворчество. Несозидание. Пустоту.» Интервью, это устная, торопливая речь, хотя и выверенная вечными мыслями. И уже в стихах – видение нашего прекрасного и мимолетного места во Вселенной:

«Как мир этот Божий, где мы,
Хотя и видны пока
Не более, чем поэмы
Зачеркнутая строка.»

Здесь вспыхивает собственное место осуществлённого и неосуществлённого творческого порыва, претендующего на свершение и совершенство. Дальше уже раздумья о вечности-времени, о том, что уходит в историю и, тем не менее, взывает к нашему слуху: «Я ж не зря повторяю сейчас, / Поднимая тяжелые веки, / Что лишь то не изменится в нас, / Чего больше не будет вовеки. // Что, казалось бы, истреблено, / Среди общего смрада и блуда, / А сокрылось, как Китеж, на дно, / Чтобы звоном тревожить оттуда.», Удивляет иногда редкая сегодня диалектическая слаженность его поэтического устремления, его поэтическая философия. Недаром первое представление этой его книги произошло в таком святом месте как Дом Лосева. Когда мысль касается того, что было и что будет, время исчезает из своей грамматической категории и становится для себя самого загадкой, в бесконечности чреватой парадоксальным решением:

Было время, что не было времени,
Будет время – его и не будет.
О себе, об отчизне, о племени,
Отряхнувшись, душа позабудет.
И пространство, воронкою скручено,
Сдавливает в атом светила с планетами.
И вопросы, что так нас измучили,
Наконец-то сольются с ответами.

Вопросы, схожие с теми, что задавал себе Заболоцкий в знаменитом стихотворении «Когда вдали угаснет свет дневной...», И опять-таки – небо величиной с «атом», небо с овчинку! Сейчас бы сказали, что речь идет о возвращении в сингулярность. И все же это не «вневременные стихи», поскольку под ними так же, как почти под многими другими, Фролов ставит точную дату: 18 сентября 1990! Время отмечено, и оно непреходяще! А вот

года три спусти – 8 ноября 1993 – простая синица дает поэтическое доказательство актуального бессмертия:

Засыпаю, крепко сплю, и снится,
Что я сплю у вечности в руке
И поет мне звонкая синица
На своем синичьем языке;
Словно бы внушить пытаюсь песней,
Повторяя простенький напев,
Что не будет смерти, что воскресли
Мы, еще родиться не успев.

У Фролова много звонких стихов о природе, родная природа хранит от назойливой мути необязательных событий. Он даже повторяется будто в споре с этой мутью, что вот опять – о бабочках, о ласточках, о травах, муравьях и пчелах... Но вдруг он спохватывается и пишет что-то сравнимое по накалу праведной страсти с пушкинским «Клеветникам России» или блоковскими «Скифами»:

... Еще застонет Украина
Под католической пятой.
Среди удушливого дыма,
Под грохот польских батарей –
Лазурь захваченного Крыма
Еще предстанет перед ней.
Еще балтийские народы
Свой перед Русью вспомнят долг,
Когда раздавит их свободы
Тевтонца кованый сапог.
Еще с вождей грузинских чары
Слетят, как ржавые листы...

Не буду цитировать полностью, стихи большие, ищите книгу и в книге! Красноречивы две даты под этими стихами: 6 ноября 1967; 8 мая 1992, – Название – «После парада». И совсем недавно вышло еще его небольшое избранное: «Дай мне гнева и любви», выпущенное также стараниями жены поэта Инны Фроловой.

Примечание:

Куприянов Вячеслав Глебович – русский писатель и переводчик, редактор. Живёт в Москве.